

GREGORY
MAGUIRE

WICKED

ELPHIE

ГРЕГОРИ
МАГУАЙР

ЗЛАЯ

ДЕТСТВО

МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М12

Gregory Maguire
ELPHIE

Copyright © 2025 by Gregory Maguire
All rights reserved.
Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод с английского языка А. Гавронской

Иллюстрации на переплете *Полина Др. Graf и Pynchta*

Магуайр, Грегори.

М12 Злая: Детство / Грегори Магуайр ; [перевод с английского А. Гавронской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225633-2 (оф.1)

ISBN 978-5-04-228690-2 (оф. 2)

Как жила Эльфаба до того, как поступить в университет Шиза? Ей суждено стать Злой Ведьмой Запада, и судьба с рождения даёт ей знаки. Самый очевидный – её зелёная кожа. Менее заметный, но более важный – её ум, хитрость... и готовность переступить через нормы морали, если ей нужно выжить или добиться чего-то.

Её детство проходит с легкомысленной матерью и благочестивым отцом. Её сестра – инвалид, её брат – хулиган, чьи шалости постепенно превращаются в преступления. Эльфаба впервые сталкивается с угнетением Животных и заводит знакомство с призрачной обезьянкой. Она впервые пробуждает свою силу и пытается обрести друга, который мог бы спасти её от пронзительного одиночества. Но всё, что она делает, ведёт её в Университет города Шиз, где её ждёт встреча с лучезарным созданием по имени Галинда...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-225633-2 (оф.1)
ISBN 978-5-04-228690-2 (оф.2)

© Гавронская А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается Идине Мензел,
и Синтии Эриво,
и всем Эльфабам,
прошлым и будущим*

Стремись к тому, что подлинно, —
сперва реши, что это,
а после мчись за ним всем сердцем.
Всем сердцем — заповедным уголком,
где прибираться вряд ли мысль придёт
в чулане, где хранится вольно память.

Луиза Эдгрит. «Совет самой себе»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Столкновение

В воздухе дыхание войны — хотя сам он спокоен. Пахнет гнилью: отцвёл жасмин, созрела мускусная капуста. Квакают лягушки в болотной осоке. Вдалеке, выше по течению, басовито, недовольно ревёт невидимый буйвол. А с другой стороны, ещё дальше, еле слышно доносится гулкое «ток-ток-ток». Не дождь, нет — шуршание человеческих пальцев по тугим мембранам из кожи аллигатора. Можно решить, что это случайный, несвязный звук, — если не понимать, как он устроен, что означает. Ток-ток-ток — и рассвет уже подступает вплотную, точно запоздавшая мысль.

Кто-то из семьи улавливает этот странный перестук. Большинство — нет. Отец погружён в молитву: глаза закрыты, пальцы перебирают чётки. Мать, обнажённая по пояс, занята угренным омовением. Над текучей водой стоит туман, испещрённый мошкаррой, — в нём сверкают и исчезают крошечные точки.

Старшая девочка валяется на одеяле, расстеленном прямо на раскисшей земле. Уже не младенец: может влезть, куда захочет, может и побегать, если вдруг вспомнит, как бегать. Ей три года с хвостиком, может, четыре, — она уже большая. Хотя чаще всего она просто сидит, сосёт большой палец и глядит по сторонам: всякий раз, когда родителям не до неё, — то есть почти всегда. С важным видом, будто следит

за порядком в мире, — но на деле это просто обычное любопытство ребёнка.

Некоторые дети растут наблюдательнее других. Она — из таких. Эльфи, зовёт её няня. Эльфи, слезай оттуда. Эльфи, следи за языком. Эльфи, ну-ка вынь палец! Эльфи.

Зелёное дитя в мире, полном зелени. Возможно, зелёный цвет для неё вовсе не видим — как невидимы понятия времени, силы тяжести, справедливости. Она всего лишь ребёнок на одеяле. В дымке проглядывает алое солнце, словно кровь из раны проступает сквозь марлю. Девочка слышит плеск вёсел далёкого каноэ — ниже по реке. На атласной окантовке простого одеяла, хлопковой площадки для игр, встречаются два жука, но, будучи из разных насекомых общин, проходят мимо, не признавая друг друга. Один из них — цвета свежесрубленного бамбука, другой — блестяще-чёрный.

Мать. Отец. Ребёнок. Няня. И ещё носильщики с проводниками.

Что-то выделяет этот день из болотистой трясины прочих. Девочка слышит чей-то вскрик — над водой разносится человеческий крик испуга. Будто кто-то столкнулся с невысказанным потрясением посреди этого безмятежного утра.

Отец крепче сжимает чётки и замуривает глаза. Мать прикрывает шалью одну грудь — только одну; даже в такое опасное утро может оказаться кстати нотка соблазна. Подошедшая няня усаживается на корточки на дальнем краю Эльфиного одеяла. Находит её руку и берёт в свою — без слов. Скорее для собственного спокойствия, чем ради блага девочки: Эльфи не из тех детей, что нуждаются в утешительных жестах.

Война витает в воздухе. И Эльфи улавливает это — хотя ей пока неизвестно, что такое война. Она вытаскивает палец изо рта и вытирает о мягкое, затёртое одеяло.

Няня говорит:

— Ой, да это, наверное, горлица курлычет. Похоже, правда?

Ложь. О том, как якобы звучит покой. Если нечто спокойное вообще имеет звук, если бывает на свете — покой. Эльфи поднимает глаза на няню, но не отвечает ей, держа свои мысли при себе. Впрочем, это преувеличение — у Эльфи пока нет таких мыслей, которые можно держать при себе. Лишь много позже ей предстоит осознать, как скверно няня умела притворяться.

Чёрный жук заинтересовался розовой ниткой, торчащей из одеяла. Эльфи следит за ним.

— У, мерзость, — фыркает няня и смахивает букашку прочь. — Всё это место. И эти жуки. Мелена, оденься наконец. Даже в глуши не терпят потаскух.

Ничего из сказанного, каким оно было взаправду, Эльфи не запомнит. Сама она, если верить семейной легенде, начала говорить с опозданием. Но чем ещё ей осмыслить самое начало всего? Только словами. Только словами — и пульсирующим чувством угрозы этого жестокого мира.

2

Ах да, зубы... Долгое время ходил слухок, что Эльфи родилась со змеиными клыками. Если так — может, именно поэтому её мать взяла с собой в миссию в Край Кваддинггов няню: выкормить новорождённую так же, как

когда-то Эльфи. Кто-то же должен. Хотя у младшей — розовые, мягкие, совершенно обычные дёсны, и зубки начали прорезаться аккуратные, правильной формы, словно крошечные жемчужины.

Мелена всегда хорошо умела оценивать, чем располагает, — особенно теперь, когда весь её капитал свёлся к остаткам личной привлекательности. Из прочего сохранилась пара нарядных платьев да пышные формы — свидетельства былого общественного статуса в иных кругах, например в Колвен-Граундс, в доме её детства в Манникине. Положим, вот уже четыре года Мелена живёт без всякой опеки со стороны семьи — но всё же стоит учитывать и прошлое. Воспитание из неё не выветрилось. Манеры. Осанка. Уверенность, которую даёт порода. Но к чему всё это здесь? Когда на неё накатывает тень уныния, ей кажется, что теперь у неё осталась разве что роскошная грудь. И больше ничего.

Эльфи не помнит, чтобы когда-то в её недоброй улыбке прятались острые клыки. Постоянные зубы выросли у неё неестественно рано, но вид у них вполне обычный. Молочные, когда начали шататься, она выдёргивала сама — возможно, просто никто не решался сунуть руку ей в рот. Но этого она тоже не помнит.

Няня всё твердила: «Не целуй малютку, Эльфи. А то испугается». Да, точно. Ещё есть малютка в пелёнках, малютка в тканевой перевязи, подвешенной к ветке моховой пальмы. Скоро ей будет два года, но растёт она медленно. Крохотная, недвижимая, точь-в-точь как спящие новорождённые. Комочек трогательной тишины под москитной сеткой.

— Ягуары не любят запах плодов моховой пальмы, — говорит няня. — Так что ей там безопасно.

А обезьяны не умеют развязывать узлы — не доберутся до неё. Ты о ней не волнуйся.

Но дело вовсе не в волнении. Эльфи подумывает перегрызть верёвки: возможно, смутно припоминая свои острые молочные зубы. Тогда это надоедливое существо смогут похитить вороватые обезьяны — те ведь утаскивают всё, что не привязано или не спрятано в клетку.

3

Сестрёнка в люльке на дереве. Рот, полный бритвенно-острых зубов — уже обратившийся в воспоминание. Опасность, сквозящая в утреннем болотном воздухе. Отец в подготовке к встрече с местными язычниками. Мать: рассеянная, обманутая и обиженная, — она сама уже не может вспомнить, ради чего променяла уютное родовое гнёздышко на своё несчастливое материнство в плесневелом Краю Квадлингов. Няня, чьё единственное достоинство — что здесь её некем заменить. Мир за пределами одеяла. Зелень стекает с зелёных ветвей. Крикливые птицы. Безмольные змеи. Миллиарды дел маленького народца насекомых. Крик в тумане, странная тишина. День начался — и пошёл своим неизбежным чередом.

— Да они, видать, и не слышали, — бормочет няня, кивая на Фрекса и Мелену: он молится, она прихорашивается. Няня пытается притянуть зелёную девочку поближе, но Эльфи не выносит избыточных ласк.

А отец в тот момент ещё был с ними? Или уже ушёл на встречу со старейшинами какого-нибудь племени? А мать — что с ней? Нет, она точно с ним не пошла.